

Ключевые слова: формирование умысла; обнаружение умысла; стадии развития умышленного преступления; угроза.

Аннотация: Статья посвящена вопросам выделения формирования и обнаружения умысла в качестве стадий развития умышленного преступления. Рассматриваются вопросы отграничения стадии обнаружения умысла от стадии приготовления к преступлению и обнаружения умысла от одной из форм психического принуждения (насилия) – угрозы.

В теории уголовного права нет однозначного мнения по поводу отнесения формирования (возникновения) умысла и его обнаружения к стадиям совершения преступления. Одни ученые выделяют их в качестве стадий совершения преступления, другие же не считают их криминально значимыми и выступают против отнесения их к стадиям совершения преступления. Далее проанализируем деятельность лица (в том числе и мыслительную) в процессе развития преступной деятельности и попытаемся понять, следует ли выделять формирование и обнаружение умысла в качестве стадий совершения преступления.

Всякое вменяемое лицо, в том числе и преступник, прежде чем перейти к определенным действиям, выраженным во внешнем мире, сначала действует мысленно. Перед совершением определенного преступного деяния у лица в сознании складывается в общих чертах представление о сущности данного преступления, о способах его совершения, формируется психическое отношение к предстоящему преступному деянию, к преступному результату в форме желания достижения преступной цели. Все эти процессы, происходящие в сознании лица, можно назвать формированием умысла. Внимания заслуживает определение формирования умысла, данное С.С. Аветисяном, согласно которому формирование умысла представляет собой сознательно-волевой процесс моделирования лицом предстоящего в будущем преступного поведения [1, с. 129]. Следует согласиться с автором в том, что формирование умысла представляет собой сознательно-волевой процесс, так как на стадии возникновения умысла у лица формируется психическое отношение не только к преступному деянию, но и к последствиям, которые возникнут в результате совершения этого деяния, так как любое сознательное действие (бездействие) вменяемого лица совершается с определенной целью. Уже на последующих стадиях лицо предпринимает определенные действия для достижения своей преступной цели, то есть лицо желает достичь своей преступной цели.

Так, А.А. Герцензон к стадиям совершения преступления относит возникновение умысла (намерение), подготовку преступного деяния, само преступное деяние и результат. Первоначальной стадией развития преступления автор называет возникновение умысла, намерение, что представляет собой чисто внутренний процесс сознания, не находящий никакой реализации и даже выявления во внешнем мире [2, с. 346].

Н.Ф. Кузнецова также выделила формирование умысла в качестве первой стадии совершения преступления, на которой субъект создает интеллектуальную и психическую возможность совершения преступления, однако посчитала эту стадию безразличной для суда в силу того, что в ст. 1 УК РСФСР говорилось о наказуемости действия [3, с. 4]. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, так как формирование умысла есть чисто психический процесс, не являющийся действием, оно не может объ-

являться наказуемым и влечь за собой уголовной ответственности [4, с. 223].

Д.Д. Максаров также выделял формирование умысла в качестве стадии совершения преступления наряду с приготовлением к преступлению, покушением на преступление и окончательным преступлением [5, с. 17]. Н.Д. Дурманов признавал ошибочным включение формирования умысла в число стадий и утверждал, что можно говорить о стадии осуществления преступления только в тех случаях, когда имеется акт внешнего поведения, без которого вообще не может быть речи об установлении тех или иных процессов, протекающих в сознании человека [6, с. 17]. По мнению автора, при определении стадий, предшествующих окончательному преступлению, надо останавливаться только на тех этапах осуществления умышленного преступления, которые выразились в конкретном внешнем действии, неразрывно сочетающем объективные и субъективные моменты (умысел, мотив), поэтому и исключаются чисто внутренние процессы сознания – появление соответствующих мотивов, формирование умысла [6, с. 18].

А.П. Козлов является сторонником выделения возникновения замысла в качестве самостоятельной стадии совершения преступления. По мнению автора, два этапа непременно присутствуют в каждом преступлении: возникновение психического отношения, обязательно предшествующее преступному поведению, и деяние, которое создает условия либо причиняет вред общественным отношениям или ставит их под угрозу причинения вреда; остальные стадии могут либо быть, либо отсутствовать в совершенном преступлении [7, с. 41]. Л.З. Тадевосян выделяет две обязательные во всех преступлениях стадии развития преступного деяния: формирование психологического отношения, обязательно предшествующего преступному поведению, и деяние, наносящее вред общественным отношениям, либо создающее условия для нанесения такого вреда, либо же ставящее эти отношения под угрозу нанесения вреда [8, с. 21]. По мнению М.В. Гриня, формирование умысла не может быть предметом уголовно-правовых отношений, так как общепризнанный принцип уголовного права гласит: «*cogitation poenam nemo patitur*» – «мысли ненаказуемы» [9, с. 12].

Как правильно указывается в литературе, лицо не может быть привлечено к ответственности только за мысли, в том числе и преступные, если они не проявились в конкретном деянии. При формировании умысла мыслительная деятельность лица не находит своего проявления во внешнем мире, не представляет реальной опасности для объекта преступления, на этом этапе отсутствует реальная угроза причинения вреда интересам личности, общества или государства. Сознательная деятельность лица на стадии формирования умысла не имеет самостоятельного уголовно-правового значения и не является наказуемой.

Однако, по нашему мнению, если лицом предпринимаются последующие действия, направленные на ре-

ализацию сформированного ранее преступного умысла и образующие общественно опасное деяние, причиняющее вред или создающее реальную угрозу причинения вреда общественным отношениям, благам и интересам, охраняемым уголовным правом, то есть если сформированное психическое отношение к предстоящему преступному деянию и к его последствиям находит свое внешнее проявление либо на стадии приготовления к преступлению, либо на стадии умышенного совершения действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, в этом случае формирование умысла следует признать в качестве начальной стадии развития преступной деятельности. Формирование умысла при обязательном наличии хоть одной из последующих стадий в процессе развития преступной деятельности является ненаказуемой стадией развития преступления, но не стадией его совершения, поскольку можно говорить о стадии совершения преступления только в том случае, когда мыслительная деятельность лица находит свое внешнее проявление, мысли проявляются в конкретном деянии.

Завершая рассмотрение данной стадии, следует отметить, что мы полностью разделяем позицию А.П. Козлова [7, с. 41], согласно которой ученым и юристам, которые не выделяют формирование умысла в качестве стадии совершения преступления, не следует ссылаться на невозможность ответственности за мысли, невозможность привлечения к уголовной ответственности на этой стадии, поскольку в таком случае они смешивают предметы дискуссии: проблемы динамики развития преступления и проблемы ответственности за неоконченное преступление, переводят дискуссию в плоскость видов неоконченного преступления, начинают смешивать стадии и виды неоконченного преступления.

Формирование умысла может сопровождаться информированием других лиц о желании совершить преступление, т. е. обнаружением умысла. На этом этапе лицо устно, письменно или иным путем (например, при помощи телодвижений) делится с другими лицами своим намерением совершить преступное деяние, отношением к собственным действиям, пониманием объективного развертывания преступления от деяния к последствиям, надеясь таким образом определить их отношение к будущему преступному деянию.

А.А. Пионтковский выделял обнаружение умысла в качестве самостоятельной стадии преступной деятельности, обосновывая свою позицию тем, что «хотя обнаружение умысла не носит общественно опасного характера, однако голый умысел преследует свои самостоятельные цели и является средством непосредственного посягательства на охраняемые законом интересы, а следовательно, является стадией в развитии умышенной преступной деятельности» [10, с. 403]. Сторонником отнесения обнаружения умысла к стадиям преступной деятельности являлся и В.В. Домаков [11, с. 122].

А.П. Козлов также признает обнаружение замысла стадией совершения преступления, понимая под этим извещение определенных окружающих лиц, выраженное в различных формах, о возникшем у виновного общественно опасном замысле. Автор считает, что во многих случаях обнаружение замысла является не только границей, за которой следует соучастие, но и прелюдией, подготовкой соучастия [7, с. 45].

Против выделения обнаружения умысла в качестве стадии совершения преступления выступали Н.Д. Дурманов, И.С. Тишкевич, Н.Ф. Кузнецова, Б.А. Куринов, Н.И. Загородников и другие ученые [12, с. 140]. Так, Н.Д. Дурманов под обнаружением умысла также понимал выражение вовне тем или иным способом намерения совершить преступление и утверждал, что обнаружение умысла, в отличие от формирования умысла, представляющего только акт сознания, – это конкретное действие, но действие, не представляющее собой како-

го-либо движения по пути совершения преступления. Автор не относил обнаружение умысла к стадиям развития преступления и обосновывал свою позицию тем, что действие, образующее преступление, является сознательной деятельностью, направленной на определенный объект, тогда как при обнаружении умысла действия, которыми обнаружен умысел, по общему правилу не направляются на тот же объект, что и объект замысливаемого преступления, а единство объекта – характерная особенность всех стадий совершения данного преступления [6, с. 21]. Более развернутую аргументацию того, что обнаружение замысла не является стадией совершения преступления, дала Н.Ф. Кузнецова. По ее мнению, при обнаружении умысла субъект не создает никаких благоприятных условий выполнения преступления; обнаружение умысла не находится «ни в обуславливающей, ни тем более в причинной связи с совершением преступления»; единственным последствием обнаружения умысла является то, что посторонние лица узнают о преступном намерении субъекта; при обнаружении умысла виновный не приближает последствия, а отодвигает их, так как ставит себя под угрозу разоблачения [13; 14, с. 177].

М.В. Гринь придерживается той позиции, что обнаружение умысла не является этапом совершения преступления, и какое-либо уголовное преследование обнаружение умысла неприемлемо. Автор пишет: «Не имеет уголовно-правового значения обнаружение умысла, выразившегося в словах, письменно, в конклюдентных действиях. Заявленный (устно или письменно) замысел еще не является началом реализации преступного намерения. В этом случае отсутствует главный элемент, с которым связывается наступление уголовной ответственности, – осуществление какого-либо общественно опасного действия, направленного на фактическое совершение преступления. Обнаружение умысла не ставит охраняемые объекты в опасность причинения вреда. В обнаружении умысла отсутствует основной материальный признак преступления – его общественная опасность» [9]. С.С. Аветисян также придерживается той позиции, что формирование и обнаружение умысла не относятся к стадиям совершения преступления, поскольку основанием уголовной ответственности является виновное совершение общественно опасного деяния, причиняющего вред или создающего реальную угрозу причинения вреда интересам личности, общества или государства [1, с. 129]. Г.А. Насимов также считает, что обнаружение умысла нельзя рассматривать в качестве стадии совершения преступления, поскольку по УК такие действия не влекут уголовной ответственности [15, с. 17].

А.В. Наумов также не признает стадией и не считает преступным и наказуемым обнаружение умысла, связывая это с тем, что в основу уголовной ответственности кладется только деяние, опасное во внешнем выражении, т. е. опасное для интересов личности, общества и государства, с учетом необходимого виновного отношения. По мнению автора, все, что не выражено в деянии (действии или бездействии), находится вне сферы уголовно-правового регулирования, является безразличным для уголовного права и не может влечь уголовную ответственность [16, с. 98].

Мы также придерживаемся той позиции, что обнаружение умысла не может быть отнесено к стадиям совершения преступления, так как, во-первых, при информировании других лиц о намерении совершить преступление внешняя форма проявления обнаружения умысла еще не образует общественно опасного деяния, посягающего на объект уголовно-правовой охраны; во-вторых, согласно ст. 3 УК РФ единственным основанием уголовной ответственности является совершение преступления, т. е. деяния, содержащего в себе все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Однако обнаружение умысла следует признать в качестве ненаказуемой стадии развития преступной

деятельности только в том случае, если выражено-му желанию, намерению лица совершить преступное деяние следует преступная деятельность лица либо на стадии приготовления к преступлению, либо на стадии умышленного совершения действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления. Обязательное наличие хоть одной из последующих стадий в процессе развития преступной деятельности свидетельствует о том, что лицо не ограничилось одним лишь выражением желания, намерения совершить преступное деяние, а предприняло конкретные действия, направленные на реализацию своего умысла.

При наличии зависящих или не зависящих от воли лица обстоятельств его деятельность может ограничиться лишь обнаружением умысла, и в этом случае деятельность лица на стадии обнаружения умысла не имеет самостоятельного уголовно-правового значения. Например, когда лицо делится намерением совершить кражу денег со своим другом и далее не предпринимает никаких реальных действий по реализации своего умысла, так как либо его друг отговаривает его от этого, либо он сам решает остановиться и не рисковать ради такой суммы, то его действия не являются преступными и наказуемыми и обнаружение умысла не является стадией развития преступления. Иначе обстоит дело, когда лицо после того, как поделилось со своим другом намерением совершить кражу денег, приступает к совершению преступного деяния. В этом случае следует отнести обнаружение умысла к стадиям развития преступной деятельности потому, что при наличии зависящих или не зависящих от воли лица обстоятельств его деятельность могла бы прерваться на стадии обнаружения умысла, не перейдя в следующую. На этой стадии развития умышленного преступления охраняемые уголовным законом объекты не ставятся в опасность причинения вреда, отсутствует материальный признак преступления – общественная опасность.

Следует обратить внимание на еще один важный момент: с какой целью лицо обнаруживает свой умысел: 1) пытается ли оно при информировании других лиц о желании совершить преступление просто определить их отношение к будущему преступному деянию, узнать их позицию по этому поводу, 2) или же это информирование необходимо для дальнейшего развертывания преступной деятельности лица и проводится с определенной целью – получить от них полезную, необходимую информацию, совет, какую-нибудь помощь, вовлечь их в совершение преступления и т. п., когда действия лица могут образовать умышленное создание условий для совершения преступления. Во втором случае возникает необходимость отграничения стадии обнаружения умысла от стадии приготовления к преступлению.

Проблема состоит в том, что перечень приготовительных действий по УК РА (ст. 35) является неисчерпывающим, и в законе говорится об «умышленном создании иных условий» для совершения преступления, что вызывает дополнительные затруднения как при установлении таких условий, так и при их разграничении от обнаружения умысла. Аналогичным является подход законодателя в проекте нового УК РА (ст. 46). Институт стадий совершения преступления служит тем же целям, тем же интересам, что и формально-материальное определение понятия преступления, – приданию определенности границам преступного и наказуемого деяния. Следствием неисчерпывающего перечня видов наказуемых приготовительных действий является отсутствие определенных критериев отграничения стадии обнаружения умысла от стадии приготовления к преступлению, в результате чего невозможно четко определить, относится ли деятельность лица к ненаказуемой деятельности на стадии обнаружения умысла или же действия лица образуют наказуемые приготовительные действия, выраженные в умышленном создании условий для совершения пре-

ступления. В качестве такого критерия законодатель называет умышленное создание условий. В этой связи следует согласиться с С.С. Аветисяном в том, что содержательная сторона данного критерия нуждается в уточнении, так как условия для совершения преступления могут иметь различное значение: быть необходимыми и случайными, существенными и сопутствующими, определяющими обстоятельства совершения преступления или сокрытия его следов, объективными или субъективными и др. [1, с. 131].

В уголовном законодательстве РФ законодатель в перечне приготовительных действий (ч. 1 ст. 30 УК РФ) кроме «иного умышленного создания условий» отдельно выделяет также приискание соучастников преступления и сговор на совершение преступления. Только при обнаружении умысла становится возможным соучастие, помощь со стороны других лиц при совершении преступления, а если информирование других лиц о намерении совершить преступное деяние проводится именно с такой целью, то действия лица образуют приготовительные действия. Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, «включение в границы неоконченного преступления сговора как самостоятельного этапа совершения преступления по меньшей мере некорректно в правовом отношении» [17, с. 248]. Сговор на совершение преступления предполагает договоренность двух или более лиц совершить преступление, достижение соглашения между последними, при этом участниками сговора не совершается никаких иных действий. Сговор представляет собой вариант обнаружения умысла, которое законом не предусмотрено в числе вариантов неоконченного преступления. В конкретных составах как самостоятельный вид преступления сговор не предусмотрен, в числе форм соучастия он также отсутствует. Таким образом, поскольку согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, представляется правильной позиция С.В. Чернокозинской, которая предлагает исключить из законодательно определения такую форму объективной стороны приготовления к преступлению, как сговор на совершение преступления, обосновывая свою позицию тем, что при сговоре возникает только намерение совершить преступление, а для приготовления к преступлению недостаточно наличия только умысла, необходимо, чтобы он был воплощен в деяние (действие или бездействие) [18, с. 11].

Обнаружение умысла не следует смешивать с одной из форм психического принуждения (насилия) – угрозой, когда конкретное проявление умысла на преступление либо представляет собой действие, причиняющее или способное причинить вред соответствующим ценностям, либо выступает в качестве способа совершения другого преступления. В действующих уголовных кодексах содержатся составы преступлений, которые с объективной стороны характеризуются угрозой, психическим принуждением. Например, ст. 137 УК РА «Угроза убийством, причинением тяжкого вреда здоровью или уничтожением имущества» устанавливает ответственность за угрозу убийством, причинением тяжкого вреда здоровью или уничтожением имущества, если при этом была реальная опасность осуществления этой угрозы; ст. 316 УК РА «Применение насилия против представителя власти» устанавливает ответственность за применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозу его применения в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих служебных обязанностей; в ст. 347 УК РА говорится об угрозе или насильственных действиях в связи с ведением предварительного следствия или осуществлением правосудия и др. В других составах преступления угроза является способом совершения преступления (угроза

при похищении человека – ст. 131 УК РА, изнасиловании – ст. 138, воспрепятствовании свободному волеизъявлению избирателя – ст. 154.2, разбое – ст. 175, хулиганстве – ст. 258 и др.). Как уже отмечалось, целью обнаружения умысла является только доведение до сведения третьих лиц намерения лица совершить преступное деяние, при обнаружении умысла не нарушается ни один из охраняемых уголовным правом объектов, в то время как угроза представляет собой психическое насилие над жертвой с целью изменения ее поведения в интересах угрожающего, в нужном ему направлении, представляет собой общественно опасное действие, так как она препятствует реализации гражданами гарантированных Конституцией прав и свобод. Представляется правильным утверждение профессора М.Д. Шаргородского о том, что при угрозе «в действительности карается не намерение, а общественно опасное действие – угроза, даже если у угрожающего и не было намерения в дальнейшем привести ее в исполнение» [19, с. 60].

Исходя из вышеизложенного, формирование умысла и его обнаружение при обязательном наличии хоть одной из последующих стадий в процессе развития преступной деятельности следует отнести к ненаказуемым стадиям развития преступной деятельности. Необязательно, чтобы все этапы развития преступной деятельности были наказуемыми. Так, согласно отечественному уголовному законодательству приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести является ненаказуемым деянием, однако это не означает, что период совершения таких приговорительных действий перестает быть стадией преступной деятельности. Когда мы имеем дело с уже оконченным преступлением, то нельзя отрицать важную практическую значимость формирования умысла и его обнаружения, которые достаточно полно помогают раскрыть сущность преступления в динамике, степень его общественной опасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аветисян С.С. Приоритеты и перспективы нового Уголовного кодекса Республики Армения (социально-правовая концепция). Ереван: РАУ, 2012. 441 с.
2. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. М.: РИО ВЮА, 1948. 496 с.
3. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление и покушение по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. 16 с.
4. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву // Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 233.
5. Максаров Д.Д. Выявление лиц, замышляющих или подготавливающих преступление – одно из условий предотвращения преступлений // Усиление борьбы с преступностью в свете требований программы КПСС: материалы к научной конференции адъюнктов. М.: ВШ МООП РСФСР, 1964. С. 15–18.
6. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1955. 211 с.
7. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 351 с.
8. Тадевосян Л.З. Проблемы ответственности за неоконченную преступную деятельность по уголовному законодательству Республики Армения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 57 с.
9. Гринь М.В. Неоконченное преступление : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 208 с.
10. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права. Часть общая. В 6-и т. Т. 2. Преступление. М.: Наука, 1970. 516 с.
11. Домаков В.В. Этапы умышленной преступной деятельности и вопросы ответственности // Проблемы неотвратимости ответственности в уголовном праве и процессе: сборник научных статей. Калинин: Изд-во Калининского гос. ун-та, 1984. С. 122–123.
12. Куринов Б.А. Научные основы квалификации преступлений. М.: МГУ, 1976. 181 с.
13. Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву // Избранные труды. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 235.
14. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Юристъ, 1997. 540 с.
15. Насимов Г.А. Неоконченное преступление. М.: ЮНИТИ, 2009. 69 с.
16. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М.: Волтерс Клувер, 2005. 926 с.
17. Калинин В.Б. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб.: СПб ГКЛ, 2011. 564 с.
18. Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие, основания и принципы криминализации, влияние на квалификацию преступления и наказание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 30 с.
19. Шаргородский М.Д. Рецензия на учебное пособие проф. А.А. Герцензона. Уголовное право. Часть Общая // Советское государство и право. 1948. № 12. С. 57–60.

FORMATION AND DETECTION OF INTENT AS THE STAGES OF DEVELOPMENT OF A DELIBERATE CRIME

© 2016

A.T. Panosyan, first level specialist of the legal acts expertise agency of the RA Ministry of Justice, undergraduate student of Chair of Criminal and Criminal Procedure Law
Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan (Armenia)

Keywords: formation of intent; intent detection; stages of development of intentional crime; threat.

Abstract: The article is devoted to the issues of formation of isolation and detection of intent as the stages of development of an intentional crime. The article also addresses issues of delimitation the detection stage intent from the stage of preparation for a crime and the detection of intent from the form of mental coercion (violence) – threat.